

Глава 4. Заключение контракта

Только не снова!

На этот раз Се Юньчжу не испытал того первобытного ужаса, что при виде троицы на вентиляторе. Но когда рука Святой Девы с цветами начала вытягиваться всё длиннее, а в нос ударил едкий запах масляной краски, он перестал сохранять хладнокровие.

«Эта Святая Дева с цветами... она меня совсем не боится?!»

Пусть в обычной жизни он походил на ленивую капибару, созерцающую осенний ветер, но когда дело доходило до бегства, ему не было равных. Се Юньчжу схватил свой шедевр в стиле «помидоры с яичницей» и опрометью бросился к двери.

Не успел он добежать, как за спиной раздался грохот — огромная рама рухнула на пол!

Сердце у него ёкнуло. Краем глаза он бросил взгляд назад, и кровь застыла в жилах: Святая Дева с цветами уже наполовину выбралась из картины и, опираясь на свои длинные руки, стремительно ползла к нему!

— Цветы... цветы... цветочки-цветочки-цветочки-и-и-и!!!

Се Юньчжу распахнул дверь и выскочил наружу, но не успел её захлопнуть — полная рука в стиле неоклассицизма просунулась в проём, блокируя путь!

Вторая рука вытянулась ещё дальше, словно змея, метнулась к нему, вцепилась в край одежды, а затем обвилась вокруг талии.

— Кх-х-х!!! — от одного этого движения ему показалось, что поясницу вот-вот переломит, а внутренности выдавят наружу.

В глазах Се Юньчжу потемнело. Он понял, что его проклятая удача снова сработала, и он нарвался на монстра уровня босса. Единственная свободная рука молниеносно выхватила из кармана обёрнутую в салфетку батарейку, и он быстро прижал к ней полоску фольги.

С тихим треском салфетка вспыхнула. В его ладони заплясал огонёк, и он, не колеблясь, швырнул его в картину — в то, что осталось от тела монстра!

В миг, когда вспыхнуло пламя, Се Юньчжу почувствовал, как потеплел Божественный Свет на его лбу, словно отозвавшись на это пламя. Огонёк, несущий благословение, ударил Святую Деву с цветами в лицо, прожигая в нём дыру. Но под ней оказалась не обожжённая плоть, а слой сгорающей бумаги.

Из дыры вырвался пронзительный визг. Рука, сжимавшая его, забилась в конвульсиях, как обезумевшая змея. Се Юньчжу воспользовался моментом, чтобы вырваться, и сломя голову бросился в главную спальню. Заперев дверь, он одним плавным движением выпрыгнул из окна.

От нападения до побега прошло не более трёх минут. Его спринтерский рывок, возможно, и соответствовал его лучшей форме, но тело уже не выдерживало такой нагрузки. Он задышался, едва не теряя сознание.

Неизвестно, когда это началось, но он никак не мог избавиться от этой глубинной, вьёвшейся в душу усталости. Отдых не помогал, да и отдыхать ему удавалось нечасто.

Отбежав на приличное расстояние, Се Юньчжу обернулся. Святая Дева с цветами, к счастью, не последовала за ним. Она лишь прижалась своим обожжённым лицом к окну и смотрела ему вслед. Её грудь прижимала к стеклу букет смятых цветов, и даже на таком расстоянии до его ушей доносился соблазнительный шёпот: «Цветы... цветы...»

Пробегая мимо витрины магазина, Се Юньчжу мельком взглянул на своё отражение. Как и ожидалось, после использования огня Божественный Свет на его лбу снова потускнел.

К счастью, он не стал уходить далеко и вскоре вернулся к алтарю Великой Шаманки. Огромный костёр дарил тепло и покой. Он без сил рухнул на землю и долго не мог подняться.

Поясница всё ещё невыносимо болела. Он задрал майку и увидел на своей слишком худой от нерегулярного питания талии кольцо из багровых синяков.

Тихо выругавшись, он достал из рюкзака мазь от ушибов и, зачерпнув приличный комок, принялся втирать её в кожу. Даже лечение стало для него рутинной, повторённой сотни, если не тысячи раз. Поэтому он не проявлял к себе особого терпения, растирая мазь грубо и небрежно.

Тело подрагивало от боли, мышцы живота напряглись. Он никогда целенаправленно не тренировался — эти скудные, но полезные мускулы выросли сами по себе, в бесчисленных попытках спасти свою жизнь. Его организм, словно алхимик, извлекал из жалких крох питательных веществ всё возможное, чтобы каждый грамм плоти работал с максимальной эффективностью.

Наконец, закончив с мазью, Се Юньчжу снова обессиленно опустился на землю. Горячий пот от солнца и холодный от боли смешались, стекая ручейками по неглубоким впадинам на животе. Закрыв глаза, он слышал лишь гулкой стук пульса и собственное прерывистое дыхание.

Лишь через час он почувствовал, что немного пришёл в себя. Достав из рюкзака бумагу и мелки, он продолжил работу над своими одиннадцатью «помидорами с яичницей». Поскольку он успел захватить только красный мелок, последние несколько картин, строго говоря, были

скорее «помидорами с помидорами».

— Готов поспорить, это точно ублажит богов, — закончив, он с самоиронией показал свои рисунки Великой Шаманке. — Я сам смотрю и смеюсь, ха-ха.

Великая Шаманка не обратила на него внимания.

— Ладно, одолжите огоньку? — вежливо обратился он к ней. — Для благого дела. Собираюсь покарать еретиков во имя нашего Бога Солнца.

Она по-прежнему молчала. Се Юньчжу счёл это за согласие.

Сказано — сделано. Он раздобыл где-то тележку, нашёл жаровню и накидал в неё несколько горящих поленьев из костра. Затем он загрузил в тележку найденные поблизости канистры с бензином, дизельным топливом и даже растительным маслом.

Придерживая больную поясницу, он медленно проделал всё это. Прошло два часа, но он сохранял абсолютное терпение — в вопросах мести он был чрезвычайно терпелив.

Наконец, толкая тележку с жаровней и горючим, он вернулся к тому самому дому. Святая Дева с цветами всё ещё была у окна. Увидев его, каждая прослойка её обожжённой бумажной плоти растянулась в улыбке. Тысячи святых глаз и алых губ изогнулись в его сторону.

Се Юньчжу взмахнул рукой, и струя масла окропила окно перед ней.

Интеллект монстра был ограничен. Она не понимала, что он делает, и, видя, что он не заходит, начала колотить по стеклу.

Се Юньчжу обошёл дом, поливая горючим все выходы, особенно те места, где были занавески и ковры. Он слышал, как от ударов сотрясается дом, слышал звон разбитого стекла и шёпот «цветы...».

Закончив, он отошёл на безопасное расстояние и, придерживая поясницу, взял из жаровни горящее полено и швырнул его в дом. Огонь, словно змея, стремительно побежал по масляному следу. Вскоре всё здание охватило пламя. Изнутри доносились пронзительные вопли Святой Девы с цветами, смешивающиеся с треском горячей рамы. Наконец, крики стихли в рёве огня.

«Это, скорее всего, редкий босс, но, как показала практика, огонь его берёт. Если в ближайшие дни Божественный Свет продолжит тускнеть, у меня по крайней мере будет чем ответить».

Се Юньчжу, скрестив руки на груди, молча смотрел, как огонь пожирает всё вокруг. Жар заставил его вспотеть ещё сильнее. Мокрая майка-борцовка и тренировочные штаны облепили

его стройное тело.

Рост в метр восемьдесят нельзя было назвать низким. Он был худощав, но подтянут. Однако из-за своей привычки лежать, если можно не стоять, он редко производил впечатление сильного человека.

Впрочем, он и не стремился демонстрировать силу. Ему было плевать на чужое мнение и оценки, плевать на выполнение заданий и награды. Его жизнь, подобно этим лишённым цветом руинам, не имела никакого смысла.

Он просто существовал. Только и всего.

Солнце не давало представления о времени. Взглянув на телефон, Се Юньчжу обнаружил, что уже второй час дня. Неудивительно, что его немного пошатывало, а в глазах темнело, — он проголодался.

Порывшись в рюкзаке в поисках прессованного печенья, он наткнулся на лапшу со вкусом кинзы, которую дала ему А Си. Ярко-зелёная упаковка, зловещего вида зелёная лапша... Он не стал сразу вскрывать, а повертел пачку в руках, внимательно изучив со всех сторон, даже прочитал состав.

— Странные вещи сейчас в моде... — пробормотал он.

Забравшись в один из домов и убедившись в его безопасности, Се Юньчжу нашёл чайник, вскипятил на огне принесённую с собой минеральную воду и заварил себе роскошный обед.

Возможно, он слишком давно не ел горячего. Когда солёная, ароматная, с упругой и нежной лапшой, сопровождаемая насыщенным запахом, коснулась его языка, глаза Се Юньчжу потрясённо расширились. Не успев прожевать, он проглотил первый кусок, затем отхлебнул бульона, полного усилителей вкуса и консервантов. На глаза навернулись слёзы.

«Как... как же вкусно... Неужели лапша, которую я не ел, наверное, года три, может быть такой вкусной...»

В системном магазине продавались лишь сухие и твёрдые галеты, вонючие мясные консервы, безвкусные сублимированные овощи и различные пищевые добавки. Последние три года он питался практически только этим. С голоду не умер, но превратился в ходячий труп, лишённый всякой радости жизни.

Се Юньчжу с благоговением съел всю лапшу, выпив бульон до последней капли. Удовлетворённо погладив живот, он вздохнул и подумал, что обязательно нужно попросить у А Си ещё.

Краем глаза он заметил на столе белое полотенце. Оно выглядело пушистым, мягким и на удивление чистым. Он машинально взял его, чтобы вытереть рот.

Стоп...

...Что-то не так с этим полотенцем.

Оно было не мягким и податливым, а упругим. И к тому же тёплым...

— Чёрт! Что это такое?! — рефлекторно отдернув руку, Се Юньчжу попытался стряхнуть странный предмет, но от комка внезапно отделились четыре прозрачных щупальца и, словно присоски осьминога, намертво вцепились в его ладонь!

Се Юньчжу недоверчиво уставился на него. Пушистый комок вдруг открыл пару сияющих глаз и посмотрел на него. Золотые зрачки, длинные густые белые ресницы — при моргании казалось, что вокруг них вспыхивают мультяшные искорки.

Из того места, где предположительно должен был быть рот, раздался звонкий голос:

— Хе-хе, ты поцеловал меня, Бога Любви, а значит, заключил со мной вечный контракт! Давай же начнём нашу великую, потрясающую вселенную историю любви!

Се Юньчжу: «...»

«В наши дни всякая дрянь может назваться богом. Катись к чёрту!»

Он с ещё большей силой затряс рукой. Пушистик завопил: «А-а-а-а!», а его прозрачные щупальца задергались, словно он был йо-йо, танцующим в воздухе диско.

— На помощь! Мы же уже заключили контракт, как ты можешь так обращаться со своим богом-партнёром, и-и-и... — рыдал Пушистик.

Се Юньчжу поднёс его к жаровне и злое усмехнулся:

— Контракт? С тобой?

Он прекрасно знал, что боги высокомерны и прячутся в самых опасных уголках подземелий. Чтобы заслужить их признание и стать Божественным контрактором, нужно пройти через смертельные испытания.

Нынешние монстры даже врать разучились. Думают, что милая внешность даёт им право на

всё?

— У-у-у... — Пушистик всхлипнул и, подняв на него своё личико, пролепетал: — Только что... ты же меня поцеловал. Смотри, у меня на лице даже остался след от твоего поцелуя...

— Бред, это бульон от лапши! — Се Юньчжу опустил руку ниже. Огонь тут же опалил зад Пушистика, превратив его в уголёк.

— Ой-ой-ой-а-а-а, я тоже оставил на тебе свою метку! — Пушистик поспешно отделил два щупальца, чтобы потушить огонь на себе. — Не веришь — посмотри в зеркало!

Се Юньчжу не хотел обращать внимания на его слова, но в одном интимном месте действительно возникло странное ощущение. К тому же... он только что поднёс этого монстра к огню, но Божественный Свет никак на него не подействовал.

С мрачным лицом он нашёл в спальне зеркало в полный рост и, повернувшись к нему спиной, задрал одежду. На его копчике действительно появился сложный чёрный знак размером с кулак. Витиеватый узор, напоминающий одновременно и расправленные крылья, и очертания сердца, сужался книзу и уходил прямо в межъягодичную складку...

Это действительно была метка Приближенного бога, которую мог оставить только бог.

Что?

Се Юньчжу остолбенел. В жизни его так нагло не обманывали. Клянусь небом, он всего лишь съел миску вкусной лапши и хотел найти чистое полотенце, чтобы вытереть рот!

На тыльной стороне его ладони вздулись вены. Он бессознательно сжал кулак так сильно, что Пушистик чуть не лопнул и снова запищал. Се Юньчжу поднёс его к лицу и, стиснув зубы, прошипел:

— Почему так просто?! У вас, богов, что, нет никаких правил заключения контрактов?!

— Так я же Бог Любви, — со слезами на глазах, теребя щупальца, ответил Пушистик. — Поэтому достаточно просто поцелуя.

— Бог Любви? — «Что за бесполезное божество?» — холодно усмехнулся Се Юньчжу. — Ты? С подпалённым задом?

— Я... я сейчас действительно очень слаб, — обиженно пролепетал Пушистик. — Но если ты будешь хорошо меня кормить, я быстро вырасту!

— Вырастешь, и что дальше? — «Превратишься в тонну бесполезного пуха? В пушистый диван, чтобы и дальше обманывать людей?» — Ты, никчёмное создание, на что ты вообще годишься?

— Я могу сделать для тебя всё, что угодно, сильный я или слабый, — торжественно пообещал Пушистик. — Я буду следовать за тобой, оберегать тебя и прославлять твоё имя.

В его глазах, омытых слезами и сияющих, отражался только он.

— И самое главное — я буду вечно любить тебя.

Се Юньчжу заглянул в эти глаза и на миг забыл о шоке и ярости. Он ощутил лишь безграничную любовь, словно заглянул в само сердце вселенной, полное сострадания и нежности.

— О, кстати, в честь нашей первой встречи, — золотые глаза тут же сощурились в глупой улыбке, — это мой подарок. Самое-самое красивое, что я так долго хранил...

С этими словами Пушистик засунул щупальце себе в рот и, порывшись там, наконец извлёк свой драгоценный подарок. С гордостью он протянул его Се Юньчжу.

Это была алая, словно только что срезанная, роза, на лепестках которой дрожала капля росы.

<http://bllate.org/book/15884/1581140>